

С и м Х о н - Ё н г

К ИЗУЧЕНИЮ ПРИЧИН ДЕПОРТАЦИИ СОВЕТСКИХ КОРЕЙЦЕВ

В 1990-е годы в России появилась возможность для исследования таких ранее закрытых проблем, как принудительные переселения народов и этнических меньшинств¹. До последнего времени рассматриваемая проблема была так называемой совершенно секретной. Безусловно, раскрытию исторической истины способствовал доступ исследователей к рассекреченным архивным материалам, на которых базируются работы, имеющие не только научное, но и практическое значение. Депортационная мера рассматривается автором лишь как один из инструментов для достижения заданной цели – урегулирования межнациональных конфликтов в условиях возникшей по тем или иным причинам дестабилизации этнополитической ситуации, усиления криминогенной обстановки, обусловленной ухудшением в первую очередь экономического положения того или иного государства. Депортация, осуществляемая при решении упомянутых проблем, к которой прибегает государство, по сути является недемократическим механизмом управления населением данного общества.

Как теперь известно, в СССР эта мера коснулась более 60 групп населения, принадлежавших к различным национальностям, и полностью охватила 15 народов. По приблизительным данным, численность депортированных представителей различных народов в 1930–1940-е годы составляла 3,5 млн. чел.

Не стала исключением и судьба советских корейцев, проживавших в большинстве своем на пограничных территориях Дальнего Востока России.

Согласно традиционной точке зрения, первые корейские семьи появились на территории русского Дальнего Востока, в Южно-Уссурийском крае, в 1863 г. Мощным толчком для миграции корейцев в Россию стали события, связанные с установлением протектората Японии над Кореей (1905 г.), а затем с установлением в Корее японского колониального господства (1910–1945 гг.). После 1917 г. история корейцев советской России неотрывна от судьбы последней, от ее успехов и трагических событий, происходивших в стране.

В период окончания гражданской войны по мере изгнания японских интервентов с Дальнего Востока за короткое время были сформированы революционные органы власти во Владивостоке. Под руководством Губернского революционного комитета (создан 26 октября 1922 г.), а затем Губисполкома (10 марта 1923 г.) было положено начало построению нового государственного аппарата власти на местах.

В результате прошедшей в 1923 г. кампании по первым выборам в местные советы на Дальнем Востоке было создано 1713 сельских советов, включая корейские. Право участия в выборах в советы получали проживавшие на Дальнем Востоке корейцы, а также представители других национальностей, не имевшие советского гражданства, но прожившие на Дальнем Востоке не менее 10 лет.

Однако специальных органов власти для управления этническими меньшинствами в Приморской губ. тогда еще не создавалось². Не привлекалась к выборам в советы и значительная часть населения. По оценкам уполномоченного Дальревкома Кима Ги-Рионга, это относилось и к корейскому населению Дальнего Востока, 75% которого оставалось «за бортом советского строительства»³.

Несомненно, что в этих условиях в первую очередь было необходимо решить проблему управления этническими меньшинствами. На Дальнем Востоке возник и так называемый корейский вопрос, включавший в себя проблемы жизнеобеспечения корейцев, наделения их официальным статусом, реализации программы полной советизации районов проживания корейцев.

Одной из таких мер, призванной решить эти проблемы, явилось создание Комиссии

при Отделе управления Приморского губкома, в обязанности которой входили рассмотрение заявлений от корейцев о предоставлении им гражданства РСФСР, подготовка необходимой документации, направление документов для дальнейшего рассмотрения в губкоме. В состав Комиссии входили пять представителей от властных структур государственного уровня и от общественных организаций: от губревкома при наличии губернского уполномоченного по корейским делам, от Государственного политического управления (ГПУ), от уполномоченного Народного комиссариата иностранных дел (НКИД), от Корейского бюро РКП(б) и от профорганизации⁴.

Особое внимание Комиссия уделяла судьбе тех корейцев, которые ранее проникли вместе с японскими интервентами в Дальневосточный край и занимались шпионажем, провокациями. Их считали «неблагонадежными». Вот почему любое постулавшее заявление о предоставлении корейцам гражданства РСФСР рассматривалось со всей строгостью. В случае возникавших подозрений в отношении того или иного лица органы ГПУ решали вопрос о немедленном его выдворении за пределы русского Дальнего Востока⁵.

Какова причина создания особых властных национальных органов по корейским делам? Главной причиной, как нам представляется, было сложное положение корейцев в правовом отношении, особенно тех из них, кто не имел гражданства РСФСР. Так, например, Корейское бюро Восточного отдела Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала (ВО ИККИ) ставило вопрос о статусе корейских переселенцев и прежде всего о положении корейских партизан, принимавших активное участие в гражданской войне, в борьбе против японских интервентов.

Многие из корейских партизан не имели гражданства РСФСР. Приморскому губбюро РКП(б) было поручено определить положение бывших корейских партизан и в случае необходимости оказать им всяческую помощь. В то же время в отношении тех корейцев, у которых не сохранилось документов (после расформирования партизанских отрядов), подтверждавших их участие в гражданской войне, применялись репрессивные меры. Их арестовывали, держали в тюрьмах и в конце концов высылали в Корею, где они попадали в руки японских властей.

Многие из корейских партизан не хотели принимать иностранное гражданство – ни советское, ни японское. В то же время после изгнания японцев с Дальнего Востока молодой советской власти вряд ли нужны были чужие вооруженные группы, хотя и сражавшиеся против японцев на стороне Красной Армии. Тем более что советская Россия боялась нарушения создавшегося status quo в дипломатических отношениях с Японией. В таком контексте отношение советской власти к бывшим корейским партизанам и тем более насильственное возвращение их на родину (в Корею) создавали почву для ведения антисоветской агитации⁶.

Среди причин, вызвавших создание специальных органов для решения «корейского вопроса», необходимо отметить и создавшуюся внутреннюю ситуацию в многонациональном советском государстве. В конце 1922 – начале 1923 г. впервые после Октябрьской революции на IV Конгрессе и Пленуме ВО ИККИ была выдвинута идея о возможности выделения корейцев в автономную единицу. ВО ИККИ, занимаясь этим вопросом, предпринял «первые предварительные шаги» по учреждению специальных органов. В резолюции IV Конгресса Коминтерна по корейскому вопросу было определено, что «новый орган по корейским делам без сомнения благотворно отразится на взаимоотношениях с корейским населением и, в первую очередь, сгладит острые углы со стороны местной русской власти»⁷.

IV Конгресс ВО ИККИ принял резолюцию, в которой содержалось предложение о создании специального института по корейским делам и нового бюро при ВО ИККИ⁸. 21 февраля 1923 г. это предложение с положительной резолюцией губбюро РКП(б) о создании института уполномоченных и определении его функций и прав было передано заместителю наркома Народного комиссариата по делам национальностей (Наркомнац).

Порядок складывания системы управления был следующим. Посты уполномоченных по корейским делам с марта 1923 г. могли учреждаться при Приморском губревкоме и уездных ревкомах на основе соответствующего решения Наркомнаца. Такой порядок сохранялся до окончания изучения вопроса о создании автономной единицы для корейского населения.

Аналогичные должности учреждались и при Президиуме Дальревкома, а затем Далькрайкома, где уполномоченным назначили Кима Ги-Рионга, при Амурском (К.И. Иванов) и Приморском (Ким Ман-Гем, Ким Михаил, Хван Шек-Тай) губернских исполкомах, при уездных исполкомах. Всего насчитывалось 23 уполномоченных.

Институт корейских уполномоченных как составная часть советского аппарата был призван через своих сотрудников оказывать содействие в практическом разрешении проблем корейского населения. Уполномоченные при исполкомах по своим правам и обязанностям приравнивались к заведующим отделами и в обязательном порядке избирались в состав руководящих советских органов.

Должность уполномоченного по корейским делам просуществовала до 1928 г., когда соответствующие функции были переданы отделам по делам национальных меньшинств. Ряд вопросов, связанных с укреплением советизации регионов и проведением в жизнь мероприятий советской власти среди корейского населения, приходилось решать с другими ведомствами.

Вопрос об образовании собственной корейской национально-культурной управляемой единицы оставался нерешенным, хотя корейцы очень стремились воплотить его в жизнь. В случае создания автономии корейское население могло бы взять на себя инициативу по ликвидации очагов японского шпионажа, «оздоровлению» тех слоев корейского населения, среди которых было заметно влияние японских интервентов⁹. Идею о создании корейской автономии впервые высказал Хан Мен-Ше в декабре 1922 г. в своем докладе, направленном в Наркомнац¹⁰. Как представитель Корейской компартии он считал «корейский вопрос» общенациональным и требующим безотлагательного решения¹¹.

Существовало несколько вариантов решения «корейского вопроса», составляющими которого были также земельный вопрос, вопросы о временных документах и о гражданстве. Из этих вариантов наиболее важными можно считать три: уже упомянутое предоставление автономного управления корейскому населению; выделение корейских уездов; учреждение корейских отделов при губернском (Никольско-Уссурийском) и уездном (Владивостокском) исполкомах¹². Последний вариант предлагал замену этими отделами института уполномоченных, который в силу «его разрозненности и неопределенности функции остался весьма нежизненным»¹³.

К самому радикальному варианту можно было причислить предоставление корейцам Дальнего Востока территориальной областной автономии как одного из начальных типов национально-территориальной государственности и выделение в ней трех районов – Посьетского, Сучанского и Суйфунского. Предоставление территориальной автономии одному из многих этнических меньшинств, имевшему компактное место проживания, возможность формирования самостоятельного бюджета совпадало с декларируемой национальной политикой советского государства.

Создание автономной единицы могло бы иметь огромное экономическое и политическое значение как для корейского населения, так и для всех жителей многонационального Дальнего Востока. Это могло вызвать не только активизацию участия корейского населения в советском строительстве, но и взрыв революционного энтузиазма в Корее, Китае и Японии¹⁴.

На V Конгрессе ВО ИККИ и его Пленуме (9 мая 1924 г.) удалось обсудить и «корейский вопрос», а в связи с этим – проблему существования автономии как формы национально-государственного устройства корейского населения на территории СССР. Создание «корейской автономной коммуны» было признано несвоевременным, поскольку прежде следовало «тщательно и обдуманно подготовить этот вопрос при активном участии самого населения»¹⁵. Нельзя также не отметить, что разрешение

данного вопроса было сопряжено не только со слишком большими техническими трудностями, но и с возможной агрессивной реакцией со стороны Японии.

Отношение СССР к Японии было настороженным. Хотя советская Россия и изгнала японских интервентов, она, однако, оставалась неуверенной в миролюбии Японии.

Такие настроения имели место в России еще в период, наступивший после поражения в русско-японской войне. В 1911 г. между Россией и Японией было заключено тайное соглашение о взаимной выдаче государственных и уголовных преступников. Россия к этому времени потеряла инициативу в отношениях с Японией и теперь должна была вернуть тех, кого японское правительство считало «государственными преступниками». Среди них значились и корейцы, участвовавшие в антияпонском движении. Однако на практике просьба японцев была выполнена лишь частично. Корейцам в России не чинили больших неудобств. Этим завуалированным противодействием особенно отличались власти на периферии, где проживали «преступники»¹⁶. Так, например, приамурский генерал-губернатор Н. Гондатти 23 декабря 1914 г., выступая в защиту корейских «преступников», высказал свои рекомендации МИД России: «Было бы предпочтительнее затянуть приведение в исполнение желательной для японцев фильтрации корейского населения, проживающего в наших пределах, до окончания настоящей войны»¹⁷.

В первые годы советской власти принудительное выселение «инородцев», особенно иммигрантов, на Дальнем Востоке порой проводилось по инициативе местных властей под влиянием «патриотических» и даже «шовинистических» настроений, возникавших как реакция на японскую интервенцию. При этом основывались на решении о выселении всех корейцев из Приморья, принятом на заседании Дальбюро РКП(б) в 1922 г. Один из видных корейских коммунистов Хан Мен-Ше, возражая против решения Дальбюро РКП(б), писал 18 января 1923 г. в Наркомнац тов. Бройдо, что по называемым мотивам (расширение в крае японского влияния через корейцев) необходимо проводить целенаправленную работу, а не осуществлять «абсурдное выселение» всей массы корейцев из Приморья¹⁸.

Вместе с тем такие ненормальные явления имели место. В начале 1923 г. в Приморье «расселенные по уездам и лишённые документов корейские партизаны арестовываются, выдерживаются в тюрьмах и в результате выслаются в Корею, где они попадают в руки японских властей», – сообщалось в одном из документов¹⁹. В 1923 г. именно по аналогичной причине местными органами власти было выселено в Японию около 700–800 корейских рабочих из Охотска и Аяна. В связи с этим на одном из совещаний в 1923 г. его участник Нам Ман-Чун призывал «бороться против шовинизма Приморского губкома и Дальбюро РКП(б) и объединиться всем группировкам под лозунгом этой борьбы»²⁰. Этому событию был посвящен «совершенно секретный» доклад Хан Мен-Ше «О положении корейского населения в Приморской губернии», направленный в мае 1924 г. в ВО ИККИ²¹. Как сообщалось в докладе, в Приморье наблюдались проявления шовинизма. Так, Н.А. Кубяк, ставший позже членом ЦК ВКП(б), «на I-ой губернской партконференции в начале 1923 г. в своей речи огульно обвинил всех корейцев в авантюризме и мошенничестве, назвал их японскими колонизаторами, подлежащими высылке из пределов края»²².

«Можно привести много других конкретных примеров проявления шовинизма», – читаем в этом документе. В докладе отмечалось, что секретарь Приморского губисполкома Пшеницын утверждал, что «шовинизма в Приморье нет». Однако слова Пшеницына опровергает тот факт, что в начале 1920-х годов среди чиновников было распространено мнение, согласно которому корейские переселенцы – пособники японских колонизаторов, а разрешение «корейского вопроса» возможно только через их депортацию из РСФСР.

Безусловно, среди представителей местной партийной и советской власти имели место различные мнения по «корейскому вопросу» вообще и разное отношение к корейцам как к составной части дальневосточного населения в частности. В архиве

нами обнаружено весьма примечательное по своему содержанию частное письмо, отосланное неким партработником Павлом из Приморья своему другу и, по-видимому, единомышленнику Андрею в Москву. Первый дает сдержанную характеристику событий: «По постановлению Дальбюро ВКП(б) надо выселить всех корейцев из Приморья или за границу или в Амурскую и Забайкальскую области»²³. Однако далее явно с сожалением Павел добавляет: «Говорить после этого о какой-либо автономии не приходится». В конце письма он информирует друга: «Мотивы решения Далькрайкома: распространение в крае японского влияния через корейцев». И весьма недвусмысленно просит Андрея посодействовать: «Поговори там». Безусловно, это письмо – свидетельство сочувственного отношения к корейцам, при том, что официальные власти не доверяли им.

Можно полагать, что в основном в среде партийных и советских работников края опасались того, что через корейцев в районе будущей их автономии станет распространяться японское влияние. Подобное настроенное отношение к корейцам было характерно и для государственной национальной политики.

После окончания гражданской войны на Дальнем Востоке Япония начала расширять свою концессионную политику в крае. Это было особенно заметно в области добычи нефти и угля. Центральные власти в 1925 г. создали Всесоюзный переселенческий комитет при ВЦИК и предложили активизировать переселение земледельцев в Сибирь и на Дальний Восток, особенно в Приморский р-н, уделить этому процессу максимальное внимание и выделить на него необходимые средства²⁴. Для того чтобы воспрепятствовать японской концессионной политике, Политбюро ЦК ВКП(б) 18 августа 1927 г. разработало необходимые меры, объединяющие усилия всех экономических и властных структур²⁵. Было обращено внимание на японскую политику переселения корейцев из Кореи во Владивостокский округ. В связи с этим дальневосточным парторганизациям предлагалось переселять корейцев из пограничных районов в северные районы края. Более того, Политбюро ЦК ВКП(б) предложило СНК включить в смету Наркомзема средства, необходимые для переселения корейцев²⁶.

Вопрос о переселении дальневосточных корейцев неоднократно обсуждался на заседаниях Политбюро ЦК ВКП(б). Так, 10 июля 1932 г. на заседании Политбюро, рассматривавшем вопрос «О корейцах», присутствовали члены Политбюро А.А. Андреев, Л.М. Каганович, М.И. Калинин, В.М. Молотов. С докладом выступил заместитель наркома НКВД Л.М. Карахан. На этот раз решение о корейцах передавалось на обсуждение специально образованной при Политбюро ЦК ВКП(б) Дальневосточной комиссии²⁷. В ее состав вошли И.В. Сталин, В.М. Молотов, Л.М. Каганович, Г.К. Орджоникидзе и К.Е. Ворошилов. «Корейский вопрос», касавшийся внутренних проблем страны и связанный с агрессивной позицией Японии, часто обсуждался и в первой половине 1930-х годов. А Дальневосточная комиссия занималась и административным переселением корейского населения из пограничных районов Приморья.

С конца 1920-х годов переселенческая политика советской власти в отношении корейцев была непосредственно связана с коллективизацией. Основной целью переселенческой политики оставалось стремление воспрепятствовать притоку самовольных иммигрантов из Кореи, однако это не всегда удавалось. Главной причиной неудач данного дела являлась неотрегулированность землеустройства в колхозах и прежде всего бесперспективность переселения крестьян-корейцев в северные районы края, малопригодные для сельскохозяйственной деятельности. Нереализованность планов советских и партийных органов власти по расселению корейцев на новых местах и одновременному предоставлению русским переселенцам освобождающихся земельных участков стала одной из причин депортации корейского этнического меньшинства (оно не имело ни своей автономии, ни политического представителя в центральных органах власти).

Вывод очевиден. Переселение в 1937 г. было подготовлено циркулированием постоянных проектов о перемещении всех корейцев из пограничных районов Приморья.

Несомненно, такая политика была обусловлена геополитическими и стратегическими интересами советского государства.

Анализ опубликованных материалов, связанных с насильственной депортацией советских корейцев, позволяет выдвинуть несколько версий о причинах этой акции²⁸.

Согласно первой версии, депортация явилась следствием проводимой большевиками жесткой политики коллективизации, а также следствием своеобразной национальной дискриминации. Существует, правда, точка зрения, согласно которой недостаточная продуманность политики при проведении коллективизации, вызывавшей негативное отношение со стороны корейцев, стала одной из причин их депортации с Дальнего Востока. Корейские колхозники подняли вопрос о несправедливом подходе к наделению их земельными участками по сравнению с крестьянами русской национальности. И это в свою очередь было причиной острого недовольства корейцами со стороны органов советской власти²⁹. Однако, по нашему мнению, эта точка зрения нуждается в более глубоком анализе в связи с рассмотрением национальной политики советского государства в идеологическом плане, и, скорее всего, ей можно отвести только косвенную роль.

Вторая версия исходит из попытки разобраться в сущности понятия «депортация» как акции по наказанию тех, кто «активно помогал неприятелю». Такая акция осуществляется, как правило, в рамках укрепления и защиты государственных интересов. Отсюда следует, что депортация корейцев проводилась государственным аппаратом страны в такое время, когда в СССР при наличии угрозы войны господствовал сугубо определенный взгляд на население, проживавшее в пограничных районах. Депортация советских корейцев с Дальнего Востока проводилась как ответная реакция на японскую политику по выдворению корейцев с границы вглубь Кореи³⁰.

На долю советских корейцев в середине 1930-х годов выпала трагическая судьба. В связи с японской угрозой государственная пропагандистская машина распространяла информацию об опасности возможной войны с империалистической Японией. Действительно, Япония готовила Корею и Маньчжурию как военно-промышленный плацдарм для нападения на Китай и СССР. Она усиливала свою колониальную политику. Японские разведывательные органы, находившиеся в Корее, Квантуне и Тяньцзине, активизировали шпионские действия на советском Дальнем Востоке, особенно накануне депортации³¹.

В 1937 г. начальником УНКВД по Дальневосточному краю был назначен Г.С. Лышков, который имел предписание провести подготовительную работу по ликвидации В.К. Блюхера и осуществить насильственную депортацию корейцев. Он руководствовался инструкцией, полученной непосредственно от И.В. Сталина в августе 1937 г. Последний не доверял корейцам, проживавшим на границе, и считал, что японцы будут продолжать засылать в советский тыл для диверсионной работы корейцев как своих агентов и использовать их в качестве «пятой колонны» на территории Дальнего Востока³².

Принудительные меры в отношении корейцев со стороны советской власти были приняты в связи с усложнением ситуации на Дальнем Востоке. Неприязнь между населением различных национальностей, нестабильность положения на границе с Китаем (Маньчжурия, оз. Хасан), увеличивающиеся притязания Японии – все это привело к превентивной депортации огульно обвиненных в шпионаже в пользу Японии корейцев.

Вторая версия таит опасность умолчания, по нашему мнению, важнейших факторов, которые характеризуют большевистскую систему управления обществом, особенно во времена И.В. Сталина. Тоталитарная система управления государством не может учитывать истинные интересы народа, она может только контролировать его недемократическими способами и пользоваться теми же способами при принятии жизненно важных для всего народа решений.

На наш взгляд, необходимо учитывать то, что обстоятельное изучение причин и процесса депортации советских корейцев обнаруживает несколько моментов, которые

нельзя объяснить с позиции государственной политики в отношении государственной безопасности. Можно ли депортацией укрепить границы и безопасность социалистического государства, даже при условии одиночного существования последнего в мировой системе, объяснить поголовное переселение целого этноса как национального меньшинства вместо наказания конкретных «неблагонадежных элементов»? Наряду с вопросом о количественных рамках подобной акции существует и другой вопрос: почему пространство выселения не ограничивалось только пограничной территорией, а охватило весь Дальний Восток – от Посыета до Забайкалья, т.е. все районы, где компактно проживало корейское население?

По нашему мнению, для выяснения причин проведения депортаций необходимо учитывать и характер функционировавшей государственной системы СССР, в рамках которой невозможно было избрать иной способ решения критической проблемы (по своему характеру данный способ соответствует недемократическому режиму). При такой постановке вопроса возникает третья версия о причинах депортации, связанная на этот раз с деятельностью государственного «вождя» в борьбе за укрепление власти. После убийства С.М. Кирова в советском руководстве активизировалась политическая борьба с «правыми оппортунистами», которые якобы могли «навести противников на социалистический лагерь». Развернулась «чистка» партии под предлогом проверки партийных документов. Начались судебные процессы (они затронули и Дальний Восток), на которых оппозиционеров обвиняли в шпионской вредительской деятельности на шахтах, предприятиях, железной дороге. Для укрепления власти И.В. Сталину и его окружению необходимо было сформировать образ врага.

Исходя из такой посылки, можно сделать вывод, что депортация советских корейцев – это побочный продукт проводимой Сталиным антитроцкистской кампании в партии и армии. В марте 1937 г. на пленуме ЦК ВКП(б) в троцкизме были обвинены Г. Пятаков, К. Радек, Г. Сокольников, а в июне 1937 г. была устроена судебная расправа над маршалом М.Н. Тухачевским и другими военачальниками Красной Армии. На февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) 1937 г., стенографические материалы которого были недавно опубликованы, особый акцент делался на недостатках в партийной работе и на задачах ликвидации «троцкистских и иных двурушников»³³. Ясно было одно: главное острие революции направлялось на искоренение внутреннего предательства и опасности шпионажа в пользу фашистской коалиции.

Следует учитывать и характер сталинской политической системы, которая не могла существовать без мер насильственного управления народом. По внутренней логике этой системы для выхода из кризиса, возникшего в отношениях между властью и народом, были необходимы превентивные насильственные меры. Общеизвестно, что к середине 1930-х годов в СССР уже сложилась тоталитарная система управления государством. Все меры были направлены на ее укрепление, поднятие авторитета И.В. Сталина. В таких условиях политические деятели, естественно, зачастую шли на нарушение конституционных принципов национальных отношений, декларировавших равноправие наций и народностей. Но результат доказывает, что, руководя страной таким образом, большевики не подняли свой авторитет в глазах народов, а наоборот, потеряли его.

Накануне выселения корейцев в 1937 г. уже была подготовлена основа для принятия мер по депортации корейцев, исходя из признаков национальной принадлежности. Далее акция стала осуществляться на практике.

На сотрудников центральных органов Народного комиссариата внутренних дел (НКВД) СССР возлагались обязанности по подготовке соответствующих юридических актов. Среди этих актов – постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 21 августа 1937 г. под грифом «совершенно секретно» «О выселении корейского населения пограничных районов Дальневосточного края» за подписью В.М. Молотова и И.В. Сталина³⁴, разъяснявшее способы переселения и определения ответственных мер по проведению депортации корейцев. Позже был принят ряд дополняющих документов: постановления СНК СССР «О порядке расчетов с переселяемыми в

Казахскую и Узбекскую ССР корейцами» от 5 сентября 1937 г., «О переселении корейцев» от 8 сентября 1937 г., «О смете расходов по переселению корейцев из Дальневосточного края» от 11 сентября 1937 г.³⁵ Проведение этой операции возлагалось на нового (вместо уже арестованного к тому времени генерала Балицкого) главу УНКВД по Дальневосточному краю Г.С. Люшкова, который, спасаясь от репрессий, бежал в 1938 г. из СССР в Японию.

Необходимо заметить, что для проведения массового перемещения населения был подготовлен ряд мероприятий на административном уровне. 21 августа 1937 г., когда было принято решение выселить приграничных корейцев, начальник войск пограничной и внутренней охраны НКВД Дальневосточного края комбриг Соколов направил донесение в Москву. По его данным, в пограничных районах численность корейского населения равнялась 135 343 чел. (11 983 семей)³⁶. 1 августа 1937 г. также по совершенно секретному постановлению СНК СССР НКВД и ГУЛАГу НКВД СССР из резервного фонда СНК СССР на оперативные расходы, связанные с проведением операций, было отпущено 75 млн. руб. для организации поселений в новых местах и проведения подготовительных работ по введению их в действие³⁷. Корейцы в основном были переселены в малопригодные для жизни и хозяйственной деятельности районы Казахстана и Узбекистана. О тяготах и трудностях, с которыми они там столкнулись, рассказывается в книге «Дорогой горьких испытаний», выпущенной в Москве в 1997 г.

* * *

В середине 1950-х годов в СССР началось проведение реабилитационных мер. Спецпереселенцы снимались с учета, расширялись их гражданские права. Этот процесс особенно активизировался после состоявшегося в феврале 1956 г. XX съезда КПСС, на закрытом заседании которого выступил с докладом Н.С. Хрущев. Как известно, 30 июня 1956 г. было принято постановление ЦК КПСС «О преодолении культа личности и его последствий» и Указ Верховного Совета СССР «О снятии ограничений по спецпоселению в правовом положении спецпереселенцев» (16 июля 1956 г.). В документах репрессии отдельных граждан и целых народов рассматривались как мера незаконная. Тогда же прозвучало указание, чтобы последствия предпринятых акций по репрессиям были устранены.

Что касается процесса реабилитации в 1950-е годы советских корейцев, то они освобождались от спецпоселения, но не сразу смогли получить официальное разрешение на возвращение на прежние места, т.е. в районы Приморья, Дальнего Востока.

Как известно, согласно Всесоюзной переписи населения в 1989 г., в бывшем СССР проживало 436 тыс. корейцев. Основная часть советских корейцев проживала в Узбекистане (184,1 тыс. чел.), в Казахстане (103,3 тыс.) и в РСФСР (107,1 тыс.).

Особенности реабилитации российских корейцев вытекают и из их социального положения как этнического меньшинства, не имеющего какой бы то ни было формы административного, территориального или иного национального образования в России и в других государствах СНГ.

Первым шагом в реализации мер по реабилитации российских корейцев явилось создание специальных рабочих групп по изучению и подготовке проектов нормативных актов. В новой политической ситуации в России 26 апреля 1991 г. вступил в действие Закон РСФСР «О реабилитации репрессированных народов», а 1 апреля 1993 г. последовало Постановление Верховного Совета РФ «О реабилитации российских корейцев»³⁸. Это был первый нормативный акт подобного рода, содержащий также все направления осуществления мер по культурному и социально-экономическому развитию российских корейцев.

Данные документы легли в основу разрабатываемой в Министерстве по делам национальностей России программы развития корейской диаспоры. При этом были определены и основные направления сохранения репрессированного этнического меньшинства, возрождения родного корейского языка, национальных традиций, культуры.

Национально-культурная автономия – своеобразный компромиссный вариант в деле подготовки самоопределения этнического меньшинства. Но это самоопределение зависит не только от самого народа, но и от отношения государственного руководства, имеющего в своей стране многообразные диаспоры народов-выходцев из других государств.

Примечания

¹ Репрессированные народы: упразднение их государственности и проблемы реабилитации: Тез. докл. и сообщ. Российской науч.-практич. конф. 26–27 декабря 1993 г. Элиста, 1993; Мирное сотрудничество в Северо-Восточной Азии и проблемы объединения на корейском полуострове: Матер. Междунар. российско-корейской конф. М., 1995; Белая книга. О депортации корейского населения России в 30–40-х годах. Кн. 1. М., 1992; Депортация народов СССР (1930–1950-е годы). Ч. 1. М., 1992. Ч. 2. М., 1997; Иосиф Сталин – Лаврентию Берии: «Их надо депортировать». М., 1992; Чешко С.В. Распад Советского Союза. М., 1996; Ссылка калмыков: как это было: Сб. документов и матер. Элиста, 1993; Репрессированные народы: чеченцы и ингуши, документы, факты, комментарии. М., 1991; Бугай Н.Ф. Л. Берия – И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...» М., 1995; Бугай Н.Ф., Гонов А.М. В Казахстан и Киргизию из Приэльбрусья (20–50-е годы). Нальчик, 1997; *Kho Songmo. Koreans in Soviet Central Asia.* Helsinki, 1987; Югай Г.А. Советские корейцы: социально-психологический портрет своего поколения. Ташкент, 1990; Ли В.Ф. Источники и проблемы изучения корейского этнического меньшинства в Советском Союзе. Источниковедение и историография стран Востока: Узловые проблемы теории. М., 1991.

² Административно-территориальное деление Приморского края (1856–1980 гг.). Владивосток, 1984. С. 14.

³ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 1318. Оп. 1. Д. 148. Л. 33.

⁴ Там же. Л. 32.

⁵ Там же. Л. 32–32 об.

⁶ Там же. Д. 466. Л. 38.

⁷ Там же. Л. 37.

⁸ Там же. Л. 62–63.

⁹ Белая книга. О депортации корейского населения России в 30–40-х годах. Кн. 1. М., 1992. С. 12–13.

¹⁰ ГАРФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 670. Л. 33–34.

¹¹ На заседании Корейского временного правительства в Шанхае весной 1923 г. был поднят вопрос об образовании Корейской автономии в СССР и представлен один из вариантов преобразования прежнего правительства. Но эти предложения не получили поддержки у тех представителей, которые хотели простых реформ. (См.: Хен Кю-Хван. Эмиграционная история корейцев. Ч. 1. Сеул, 1972. С. 959, на кор. яз.)

¹² ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 140. Д. 141. Л. 32.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. Л. 21. См.: Бугай Н.Ф. Корейцы в СССР: из истории вопроса о национальной государственности // Восток. № 2. 1993. С. 152; Пак Б.Д. Корейцы в советской России (1917 – конец 30-х годов). Москва; Иркутск; Санкт-Петербург, 1995. С. 145.

¹⁶ См.: Кириченко А.А. О первом выселении корейцев // Вера и жизнь. 1997. № 6 (январь). С. 21–22.

¹⁷ Архив внешней политики России. Ф. 126. Оп. 487. Д. 767. Л. 20.

¹⁸ ГАРФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 670. Л. 66–67.

¹⁹ Там же. Д. 466. Л. 38.

²⁰ Пак Б.Д. Указ. раб. С. 117.

²¹ ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 140. Д. 141. Л. 29.

²² Там же.

²³ ГАРФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 466. Л. 65–66.

²⁴ Переселение за Урал преследовало несколько целей: освоение природных богатств Сибирского края при условии привлечения новых рабочих рук, организацию обороны восточных рубежей страны от посягательств США, Японии, Китая и т.д., перераспределение трудовых ресурсов (см.: Завалишин А.Ю. Проблемы контактов коренных народов Сибири с переселенцами в 20–30-е годы: социальный аспект // Национальные отношения и национальные процессы в СССР: Вопросы истории. Сб. научных трудов. М., 1990. С. 64–65).

²⁵ Присутствовали члены Политбюро ЦК ВКП(б) М.И. Калинин, В.М. Молотов, Я.Э. Рудзутак, И.В. Сталин, кандидаты в члены Политбюро А.А. Андреев, А.И. Микоян, члены ЦК ВКП(б) А.И. Догадов, Н.А. Кубяк, Г. Сокольников, Г.В. Чичерин, кандидат в члены ЦК А.П. Серебровский и члены Президиума

ЦИК В.В. Куйбышев, Н.М. Янсон, Е.М. Ярославский // Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (далее – РЦХИДНИ). Ф. 17. Оп. 3. Д. 647. Л. 10.

²⁶ Там же. Л. 11.

²⁷ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 13. Л. 11 («особая папка»).

²⁸ Сим Хон-Ёнг. Историография проблемы депортации российских корейцев в 30–40-е годы в СССР // Народы России: проблемы депортации и реабилитации. Майкоп, 1997. С. 183–184.

²⁹ Такого мнения придерживался немецкий советолог В. Коларз, занявшийся одним из первых изучением темы принудительного переселения корейцев. Однако диапазон его исследования ограничен временем «холодной войны». *Kolarz W. The Peoples of the Soviet Far East. N.Y., 1954. P. 36–37.* Той же позиции придерживаются и некоторые другие западные ученые, см., напр.: *Хаарман Х. Социологические и социокультурные условия жизни корейцев в Советском Союзе // Корейцы Казахстана и Средней Азии в зарубежных исследованиях. Общественные науки. Вып. 32. Алма-Ата, 1990.*

³⁰ *Бугай Н.Ф. «Корейский вопрос» на Дальнем Востоке и депортация 1937 года // Пробл. Дальнего Востока. 1992. № 4. С. 155.*

³¹ *Володин И. Иностранцы шпионаж на Советском Дальнем Востоке // Правда. 1937. 23 апр. С. 5.*

³² См.: *Haruki Wada. Koreans in the Soviet Far East, 1917–1937 // Koreans in the Soviet Union. Honolulu, 1987. P. 156; Liushkov G.S. The Army of the Far East // Kaizo. 1939. № 9; idem. I Criticize Soviet Socialism // Gekkan Roshia. 1939. № 5; Жизнь и смерть комиссара Люшкова // Российское Приморье. 1993. № 26. 25 июля.*

³³ Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 г. // *Вопр. истории. 1995. № 2. С. 22–26.*

³⁴ Белая книга... С. 68–69.

³⁵ Там же. С. 74–79; ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 1. Д. 497. Л. 29–33.

³⁶ Белая книга... С. 68.

³⁷ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 1. Д. 497. Л. 26. Среди этих расходов 25 млн. руб. было выделено на оплату железнодорожного транспорта.

³⁸ Белая книга... Кн. 2. М., 1997. С. 260–262.

S i m K h o n-Y o n g. To the Problem of Soviet Koreans' Deportation

On the basis of the new archive materials the article considers the causes of Soviet Koreans deportation from the Far East to the Central Asia republics and Kazakhstan in 1937. The author pays attention to three factors: socio-economic development of the USSR (the difficulties of collectivisation), foreign policy factor (the threat from Japan) and the strengthening of totalitarian regime and the cult of I.V. Stalin's personality in the USSR.

© 1999 г., ЭО, № 2

С.Я. К о з л о в

**ФРАНЦУЗСКИЕ «НОВЫЕ ПРАВЫЕ»:
НОВЫЙ «НАУЧНЫЙ» РАСИЗМ?**

Так называемые «новые правые» появились в общественной жизни ряда стран Западной Европы и США в 1960–1970-е годы. Это были сравнительно небольшие по численности группировки интеллектуалов, а также функционеров политических партий и госаппарата и связанные с ними средства массовой информации. Наиболее активны в теоретическом плане были (и в какой-то мере остаются) французские представители этого движения. Их взгляды критически анализировались в разное время и серьезными экспертами, и публицистами, в том числе и в России*. Учитывая специфику нашего журнала, в этой небольшой статье я попытаюсь очень бегло охарактеризовать их общефилософские, историософские, социологические и полити-

* См., в частности: *Сабов Л. «Экс» и «нео» (разноликие правые). М., 1991.*